

219	172-01	КОНСТАНТИН ВАГИНОВ	“Человек и хор”	Часть 1 ”Девятиструнный стон”
220	172-02	КОНСТАНТИН ВАГИНОВ	“Человек и хор”	Часть 2 “Я не погиб”

“Человек и хор” (Коренблит – Вагинов)

Часть 2 “Я не погиб”

1(27). Кентавр	- 1.23
2(28). Без Эвридики	- 1.38
3(29). На набережной	- 1.19
4(30). Я не погиб	- 2.16
5(31). В старинных запахах	- 1.46
6(32). Слава тебе, Аполлон	- 2.40
7(33). Раздвоенный язык	- 1.38
8(34). Чудо	- 1.46
9(35). Из заграницы	- 1.12
10(36). Храм	- 2.36
11(37). Молитва	- 1.07
12(38). Ты помнишь ли?	- 1.26
13(39). России	- 1.22
14(40). Недремлющая ночь	- 2.59
15(41). Отворенная дверь	- 3.11
16(42). Колониальный бред	- 2.24
17(43). Уходит день	- 1.11
18(44). Искание	- 1.05
19(45). Почти головокруженье	- 1.37
20(46). Колокольный бой	- 2.04
21(47). Наши души	- 1.39
22(48). Человек и хор	- 2.36
23(49). Обязанность	- 2.03
24(50). Цветок поэзии	- 1.39
25(51). Звуки	- 2.17
26(52). Певец-хранитель	- 1.05
27(53). Статуя заговорит	- 1.59
28(54). Не человек	- 2.01
<i>Общее время звучания – 51.59</i>	
<i>Общее время звучания - 98.41</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. КЕНТАВР

Кентаврами восходят поколения
И музыка гремит.
За лесом, там, летающее пенье,
Неясный мир лежит.

Кентавр, кентавр, зачем ты оглянулся,
Копыта приподняв?
Зачем ты флейту взял и заиграл разлуку,
Волнуясь и кружась?

Везенья нету в жаркой бездне,
Кентавр, спешу.

Забудь, что ты был украшением,
Или не можешь ты?

Иль создан ты стоять на камне
И созерцать
Себя и мир, и звёзд движенье
И размышлять.

2. БЕЗ ЭВРИДИКИ

Я восполнения не искал.
В своем пространстве
Я видел образ женщины, она
С лицом, как виноград, полупрозрачным,
Росла со мной и пела и цвела.
Я уменьшал себя и отправлял свой образ
На встречу с ней в глубокой тишине.
Я – часть себя. И страшно и пустынно.
Я от себя свой образ отделил.
Как листья скорчились и сжались мифы.
Идололатрией в последний раз звеня,
На брег один, без Эвридики,
Сквозь Ахеронт пронесся я.

3. НА НАБЕРЕЖНОЙ

Как бедр твоих волнует острие.
Еще распущены девические косы,
Когда зубов белеющих копье
Пронзает губы алые матросов.

На набережных, где снуют они,
С застывшей солью на открытых блузах,
Ты часто смотришь на пурпурные огни
На чёрных стран цветные грузы.

В твоей руке колода старых карт,
Закат горит последними углями,
Индийских гор зеленая река
Уснет в тебе под нашими снегами.

И может быть сегодня в эту ночь
Услышу я ее больные зовы,
Когда от кораблей пойдем мы прочь
В ворота под фонарь багровый.

4. Я НЕ ПОГИБ

Да быки крутолобые тонкорунные козы
Женщин разных не надо, Лиду я позабыл.
Знаю в Дельфах пророчили гибель Эллады
Может Эллада погибла, но я не погиб.

Юноши в кольцах пришли звали на пир в Эритрею
Лидой меня соблазнили: плачет, тоскует она...

Что же, пусть плачет найдет старика и забудет
Я молодой – крашенных жен не люблю.

Вера неси виноград, но зачем христианское имя?
Лучше Алкменою будь, мы покорились судьбе.
Слышишь ликует Олимп, веселятся добрые Боги
Зевс Небожитель ссорится с Герой опять.

5. В СТАРИННЫХ ЗАПАХАХ

В старинных запахах, где золото и бархат
В бассейнах томности ласкают ноздри вам,
Растут левкой белые у золоченых арок,
И море пурпуром сжимает берега.

Среди жеманных, еле слышных звуков,
Там жизнь течет подобно сладким снам.
Какой-то паж целует нежно руки
И розы тянутся к эмалевым губам.

В квадрат очерчены цветочные аллеи,
В овалы налиты прохладные пруды,
И очертание луны серпом белеет
На зеркалах мерцающих воды.

В старинных запахах, где золото и бархат
В бассейнах томности ласкают ноздри вам,
Вы встретите себя у золоченых арок
Держащей белого козленка за рога.

6. СЛАВА ТЕБЕ, АПОЛЛОН

Слава тебе Аполлон, слава!
Сердце мое великой любовью полно
Вот я сижу молодой и рокочут дубравы
Зреют плоды наливные и день голосит!

Жизнь полюбил не страшны мне вино и отравы
День отойдет вечер спокойно стучит.
Слабым я был, но теперь сильнее быка молодого
Девушка добрая тут, что же мне надо еще!

Пусть на хладных берегах взвизгах сырого заката
Город погибнет где был старцем беспомощным я
Снял я браслеты и кольца, не крашу больше ланиты
По вечерам слушаю пение муз.

Слава, тебе Аполлон слава!
Тот распятый теперь не придет
Если придет вынесу хлеба и сыра
Слабый такой пусть подкрепится дружок.

7. РАЗДВОЕННЫЙ ЯЗЫК

Я полюбил широкие камни,

Тревогу трав на пастбищах крутых, -
 То снится мне. Наверно день осенний,
 И дождь прольет на улицах благих.
 Давно я зряч, не ощущаю крыши,
 Прозрачен для меня словесный хоровод.
 Я слово выпущу, другое кину выше,
 Но все равно, они вернутся в круг.
 Но медленно волов благоуханье,
 Но пастухи о праздности поют,
 У гор двугорбых, смуглогруды люди,
 И солнце виноградарем стоит.
 Но ты вернись веселою подругой, -
 Так о словах мы бредили в ночи.
 Будь спутником, не богом человеку,
 Мой медленный раздвоенный язык.

8. ЧУДО

Сынам Невы не свергнуть ига власти,
 И чернь крылатым идолом взойдет
 Для Индии уснувшей, для Китая
 Для чёрных стран не верящих в восход.

Вот я стою на торжищах Европы
 В руках озера, города, леса
 И слышу шум и конский топот
 Гортанные и птичьи голоса.

Коль славен наш Господь в Сионе
 Приявший ночь и мглуЮ и муть
 Для стран умерших сотворивший чудо
 Вдохнувший солнце убиенным в грудь.

9. ИЗ ЗАГРАНИЦЫ

Мы здесь вдали от сугробов,
 От снежных метелей твоих,
 Такого веселья попробуйте!
 Но нет нам путей других.

Оторванный ком не вернется,
 Хотя бы ветер попутный был,
 Он только отчаянно бьется,
 Растает, как дыма клубы.

Ничего, Иван, приготовьте
 Мне сегодня новый фрак.
 Почисти хорошенько локоть,
 - А как здоровье собак?

А там далеко в сугробах,
 Голодная, в корчах родов,
 Россия колотится в гробе
 Среди деревень, городов.

10. ХРАМ

У трубных горл, под сенью гулкой ночи,
 Ласкаем отблеском и сладостью могил,
 Воспоминаньями телесными томимый,
 Сказитель тронных дней, не тронь судьбы моей.
 Хочу забвения и молчаливой ночи,
 Я был не выше, чем трава и червь.
 Страдания мои – страданья темной рощи,
 И пламень мой – сияние камней.
 Среди шороха домов, среди кирпичей крылатых
 Я женщину живую полюбил,
 И я возненавидел дух искусства
 И, как живой, зарей заговорил.
 Но путник тот, кто путать не умеет.
 Я перепутал путь – быть зодчим не могу.
 Дай силу мне отринуть жезл искусства,
 Природа – храм, хочу быть прахом в ней.
 И снится мне, что я вхожу покорно
 В широкий храм, где пашут пастухи,
 Что там жена, подъемлющая сына,
 Среди пастухов, подъемлющих пласты.
 Возращен искусством я от колыбели,
 К природе завистью и ненавистью полн,
 Все чаще вспоминаю берег тленный
 И прах земли, отвергнутые мной.

11. МОЛИТВА

О, сделай статуей звенящей
 Мою оболочку, Господь,
 Чтоб после отверстого плена
 Стояла и пела она
 О жизни своей ненаглядной,
 О чудной подруге своей,
 Под сенью смарагдовой ночи,
 У врат Вавилонской стены.
 Для вставшего в чреве могилы
 Спокойная жизнь не страшна,
 Он будет, конечно, влюбляться
 В домовье, в жену у огня.
 И ложным покажется ухо,
 И скипетронощный прибой,
 И золото черного шелка
 Лохмотий его городов.

12. ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ?

В солёных жемчугах спокойно ходит море –
 Пустая колыбель! Фонарь дрожит в руке...
 Снега в глазах, но я иду дозором,
 О, как давно следов нет на песке.

Уснуть бы здесь умершими морями.

Застывший гребень городов вдыхать.
И помнить, что за жемчугом над нами
Другой исчезнул мир средь зелени и мха.

Возлюбленная пой о нашем синем доме
Вдыхай леса и шелести травой
Ты помнишь ли костры на площади огромной,
Где мы сидели долго в белизне ночной.

13. РОССИИ

До белых барханов твоих
От струй отдаленного моря
Небывшей отчизны моей
Летают чугунные звуки.

Твои слюдяные глаза
И тело из красного воска...
В прозрачных руках – города.
В ногах – Кавказские горы.

У гулких гранитов Невы
У домов своих одичалых
В колоннах Балтийской страны
Живет Петербургское племя.

Стучит на рассвете трава
Купцы кричат на рассвете.
Раскосо славянской Руси
Сбирается прежнее вече.

И страшен у белых колонн
Под небом осенним и синим
Язык расписной как петух
На древне-языческой хате.

14. НЕДРЕМЛЮЩАЯ НОЧЬ

“Я воплотил унывный голос ночи,
“Всех сновидений юности моей.
“Мне страшно, друг, я пережил паденье,
“И блеск луны и город голубой.
“Прости мне зло и ветреные встречи,
“И разговор под кущей городской”.

Вдруг пир горит, друзья подьют плечи,
Толпою свеч лицо освещено.

“Как странно мне, что здесь себя я встретил,
“Что сам с собой о сне заговорил”.

А за окном уже стихает пенье,
Простерся день равниной городской.

Хор

“Куда пойдет проснувшийся средь пира,

“Толпой друзей любезных освещен?”

Но крик горит:

“Средь полунощных сборищ

“Дыханью роц напрасно верил я.

“Средь очагов, согретых беглым спором,

“Средь чуждых мне проходит жизнь моя.

“Вы скрылись, дни сладчайших разрушений.

“Унылый визг стремящейся зимы

“Не возвратит на низкие ступени

“Спешащих муз холодные ступни.

“Кочевник я среди семейств, спешащих

“К безделию. От лавров далеко

“Я лиру трогаю размеренней и строже,

“Шатер любви простерся широко.

“Спи, лира, спи. Уже Мария внемлет,

“Своей любви не в силах превозмочь,

“И до зари вокруг меня не дремлет

“Александрии башенная ночь”.

15. ОТВОРЁННАЯ ДВЕРЬ

Под рожью спит спокойно лампа Аладина.

Пусть спит в земле спокойно старый мир.

Прошла неумолимая с косою длинной

Сейчас наверно около восьми.

Костер горит. Узлы я грею пальцев.

Сезам! Пусти обратно в старый мир,

Немного побродить в его высоком зале

И пересыпать вновь его лари.

Осины лист дрожит в лазури

И Соломонов Храм под морем синим спит.

Бредет осел корнями гор понурый,

Изба на курьих ножках жалобно скрипит.

В руке моей осколок римской башни,

В кармане горсть песка монастырей.

И ветер рядом ласково покашливает,

И входим мы в отворенную дверь.

16. КОЛОНИАЛЬНЫЙ БРЕД

Бегу в ночи над Финскою дорогой.

России не было – колониальный бред.

А там внутри земля бурлит и воет,

Встает мохнатый и звериный человек.

Мы чуждых стран чужое наслоенье,

Мы запада владыки и князья.

Зачем родились мы в стране звериной крови,

Где у людей в глазах огромная заря.

Я не люблю зарю. Предпочитаю свист и бурю,

Осенний свист и безнадежный свист.

Пусть Вифлеем стучит и воет: “Жизни новой!”

Я волнами языческими полн.
 Косым углом приподнятые плечи,
 На черепе потухшее лицо:
 Плывет Орфей – прообраз мой далекий
 Среди долин, что тают на заре.
 Даны мне гулким медным Аполлоном
 Железные и воля, и глаза.
 И вот я волком рыщу в чистом поле,
 И вот овцой бреду по городам.
 В сухой дремоте Оптинская пустынь.
 Нектарий входит в монастырский сад.
 Рябое солнце. Воздух вишней пахнет.
 Художники Распятому кадят.
 Была Россия – церкви и погосты,
 Квадратные сухие терема.
 И человек умолк, и берег финский хлещет,
 Губернская качается луна.

17. УХОДИТ ДЕНЬ

Уж день краснеет точно нос,
 Встает над точкою вопрос:
 Зачем скитался ты и пел
 И вызвать тень свою хотел?

На берега,
 На облака
 Ложится тень.
 Уходит день.

Как холодна вода твоя
 Летейская.
 Забыть и навсегда забыть
 Людей и птиц,
 С подругой нежной не ходить
 И чай не пить,
 С друзьями спор не заводить
 В сентябрьской мгле
 О будущем, что ждет всех нас
 Здесь на земле.

18. ИСКАНИЕ

Под лихолетьем одичалым,
 Среди проулков городских
 Он еле видной плоской тенью
 Вдруг проскользнул и говорит:
 “Мне вспыхивать, другим – сиянье.
 Но вспыхиванье – суета.
 “Я оборвался среди зияний,
 “До вас разверзлась жизнь моя”.
 И тихий шепот плыл под дубом,
 И семиградный встал слепец,
 Заговорил в домашнем круге

О друге юности своей:

“Он необуздан был средь бдений
 “Под сновиденьем городским,
 “Не жизнь искал он – сладкой доли
 “Жизнь проводить среди ночей”.

19. ПОЧТИ ГОЛОВОКРУЖЕНЬЕ

Почувствовал он боль в поток людей глядя,
 Заметил женщину с лицом карикатурным,
 Как прошлое уже в ней узнавал
 Неясность чувств и плеч скульптурность,

И острый взгляд, и кожи блеск сухой.
 Он простоял, но не окликнул.
 Он чувствовал опять акаций цвет густой
 И блеск дождя и воробьев чириканье.

И оживленье чувств, как крепкое вино,
 В нем вызвало почти головокружение,
 Вновь целовал он горький нежный рот
 И сердце, полное волненья.

Но для другого, может быть, еще
 Она цветет, она еще сияет,
 И, может быть, тот золотым плечом
 Тень от плеча в истоме называет.

20. КОЛОКОЛЬНЫЙ БОЙ

Но пестрою, но радостной природой
 И башнями колоколов не соблазнен.
 Восток вдыхаю, бой и непогоду
 Под мяготью шарманочных икон.

Шумит Москва, широк прогорклый говор –
 Но помню я александрийский звон
 Огромных площадей и ангелов янтарных,
 И петербургских синих пустырей.

Тиха луна над голою поляной.
 Стой, человек в шлафроке! Не дыши!
 И снова бой румяный и бахвальный
 Над насурмленным бархатом реки.

21. НАШИ ДУШИ

Не лазоревый дождь,
 И не буря во время ночное.
 И не бездна вверху,
 И не бездна внизу.
 И не кажутся флотом,
 Качаемым бурной волною,
 Эти толпы домов
 С перепуганным отблеском лиц.

Лишь у стекол герань
 Заменяла прежние пальмы
 И висят занавески
 Вместо тяжелых портьер.
 Да еще поднялись
 И засели за книгу,
 Чтобы стала поменьше,
 Поуютнее жизнь.
 В этой жизни пустынной,
 О, мой друг темнокудрый,
 Нас дома разделяют,
 Но, как птицы, навстречу
 Наши души летят.
 И встречаются ночью
 На склоне цветущем,
 Утомленные очи подняв.

22. ЧЕЛОВЕК И ХОР

Человек

Среди ночных блистательных блужданий,
 Под треск травы, под говор городской,
 Я потерял морей небесный пламень,
 Я потерял лирическую кровь.
 Когда заря свои подымлет перья,
 Я у ворот безлиственно стою,
 Мой лучезарный лик в чужие плечи канул,
 В крови случайных женщин изошел.

Хор

Вновь повернет заря. В своей скалистой ночи
 Орфей раздумью предан и судьбе,
 И звуки ластятся, охватывают плечи
 И к лире тянутся, но не находят струн.

Человек

Не медномраморным, но жалким человеком
 Стою на мраморной просторной вышине.
 А ветер шумит, непойманные звуки
 Обратно падают на золотую ночь.
 Мой милый друг, сладка твоя постель и плечи.
 Что мне восторгов райские пути?
 Но помню я весь холод зимней ночи
 И храм большой над синей крутизной.

Хор

Обыкновенный час дарован человеку.
 Так отрекаемся, едва пропел петух,
 От мрамора, от золота, от хвои

И входим в жизнь, откуда выход – смерть.

23. ОБЯЗАННОСТЬ

О, сколько лет я превращался в эхо,
 В стоящий вихрь развалин теневых.
 Теперь я вырвался, свободный и скользящий,
 И на балкон взошел, где юность начинал.
 И снова стрелы улиц освещенных
 Марионетную толпу струили подо мной,
 И, мне казалось, в этот час отвесный
 Я символистом свесился во мглу,
 Седым и пережившим становленье
 И оперяющим опять глаза свои,
 И одиночество при свете лампы ясной,
 Когда не ждешь восторженных друзей,
 Когда поклонницы стареющей оравой
 На креслах наступившее хулят.
 Нет, я другой. Живое начертанье
 Во мне растет, как зарево.
 Я миру показать обязан
 Вступление зари в еще живые ночи.

24. ЦВЕТОК ПОЭЗИИ

Поэзия есть дар в темнице ночи струнной,
 Пылающий, нежданный и глухой.
 Природа мудрая всего меня лишила,
 Таланты шумные, как серебро взяла.
 И я, из башни свесившись в пустыню,
 Припоминаю лестницу в цвету,
 По ней взбирался я со скрипкой многотрудной,
 Чтоб волнами и миром управлять.
 Так в юности стремился я к безумью,
 Загнал в глухую темь познание мое,
 Чтобы цветок поэзии прекрасной
 Питался им, как почвою родной.

25. ЗВУКИ

Я променял весь дивный гул природы
 На звук трехмерный, бережный, простой.
 Но помнит он далекие народы
 И треск травы и волн далекий бой.

Люблю слова: предчувствую паденье,
 Забвенья замысла их средь торжищ городских.
 Так звуки У и О приемлют гул трамвая
 И завыванье проволок тугих.

И ты, потомок мой, под стук сухой вокзала,
 Под веткой рельс, ты вспомнишь обо мне.
 В последний раз звук А напомнит шум дубравы,
 В последний раз звук Е напомнит треск травы.

26. ПЕВЕЦ-ХРАНИТЕЛЬ

И пестрой жизнь моя была
Под небом северным и острым,
Где мед хранил металла звон,
Где меду медь была подобна.

Жизнь нисходила до меня,
Как цепь от предков своенравных,
Как сановитый ход коня,
Как смугломраморные лавры.

И вот один среди болот,
Покинутый потомками своими,
Певец-хранитель город бережет
Орлом слепым над бездыханным сыном.

27. СТАТУЯ ЗАГОВОРИТ

Не тщись, художник, к совершенству
Поднять резец искривленной рукой,
Но выточь его, покрой изящным златом
И со статуей рядом положи.
И магнетически притянутые взоры
Тебя не проглядят в разубранном резце,
А статуя под покрывалом темным
В венце домов останется молчать,
Но пролетят года, резец твой потускнеет,
Проснется статуя и скинет темный плащ
И, патетически перенимая плач,
Заговорит, притягивая взоры.

28. НЕ ЧЕЛОВЕК

Не человек: все отошло, и ясно,
Что жизнь проста. И снова тишина.
Далекий серп богатых Гималаев,
Среди равнин равнина я
Неотделимая. То соберется комом,
То лесом изойдет, то прошумит травой.
Не человек: ни взмахи волн, ни стоны,
Ни грохот волн и отраженье волн.
И до утра скрипели скрипки, -
Был ярк пир в потухшей стороне.
Казалось мне, привстал я человеком,
Но ты склонилась облаком ко мне.